

КАВКАЗЪ.

1853.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Годовое изданіе съ пересылкою . . . 8 р. 50 к.
Полугодовое . . . . . 4 . 50 к.
Газета печатаетъ съ платою за каждую букву по 1/4 коп. сер. со всѣхъ объявленій безъ всякаго исключенія.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

въ Тифлисѣ: въ Канцеляріи Намѣстника Кавказскаго и въ Тифлисской Почтовой Конторѣ. Въ С. Петербургѣ: въ Газетной Экспедиціи С.-Петербург. Почтамта, въ книжныхъ магазинахъ В. А. и Я. А. Исаковыхъ, г. Крашенинникова, и С. П. Лоскутова. Въ Москвѣ: въ Газетн. Экспедиціи Московск. Почтамта. Подписываться также можно и по всѣхъ Губернскихъ Почт. Конторахъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 27-го Октября.

Его Императорское Величество соизволило отдать слѣдующіе приказы:

Въ присутствіи Своемъ въ Царскомъ-Селѣ.

Октября 27-го дня 1853 года. Назначаются. Завѣдывающей Штабомъ Командующаго войсками въ При-Каспійскомъ краѣ, Генералъ-Маіоръ **ИНДРЕНІУСЪ**, Помощникомъ Начальника Главнаго Штаба войскъ, на Кавказѣ находящихся. Инспекторъ Межеванія казенныхъ земель, Полковникъ **НЕВЪРОВСКІЙ**, Завѣдывающимъ Штабомъ Командующаго войсками въ При-Каспійскомъ краѣ.

Октября 28 го дня. Производятся за отличіе отъ должности противъ **Горцевъ**, со старшинствомъ. Состоящіе по Арміи Подполковники: Командиръ Кавказскаго Линійнаго баталіона № 7-го, **ЗАНЬКОВСКІЙ**. Военскій Начальникъ г. Пуши, **СУЛИМОВСКІЙ**,—оба въ Подполковники. Пѣхотныхъ полковъ: Тевгинскаго: Капи-

танъ **ЯКОВЛЕВЪ**, въ Маіоры, Штабъ-Капитанъ **ЗАНЬКОВСКІЙ**, въ Капитаны. Поручикъ **ГОМЗИНЪ**, въ Штабъ-Капитаны. Подпоручики: **КЛЕПАЛОВЪ**, **РОМАНОВСКІЙ**, **ЧИБИРЯКЪ** и **МАНЬКОВЪ** 2-й, въ Поручики. Навагинскаго: Штабъ-Капитаны: **КОГУШКИНЪ** и **БЪЛЕЦКІЙ**, въ Капитаны. Поручики: **ДЕЙНЕКО**, **НУРИДЪ**, **МАХИНЪ** и **ВЕРЖБИЦКІЙ**, въ Штабъ-Капитаны. Со старшинствомъ: Подпоручики: **РОСТОВЦЕВЪ**, **ЦЫКЛАУРОВЪ**, **АФОКО-ЕСЕНОВЪ**, **САДОВСКІЙ** и **ВОРОНОВЪ**, въ Поручики. Прапорщикъ **ЯРОШЕВСКІЙ**, въ Подпоручики. Унтеръ-офицеръ **МУСЕЛУСЪ**, въ Прапорщики. Эриванскаго Карabinернаго Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича полка: Капитанъ **Князь ШАЛИКОВЪ**, въ Маіоры. Штабъ-Капитанъ **КОВТОРАДЗЕ 1-й**, въ Капитаны. Поручикъ **КОВТОРАДЗЕ 2-й**, въ Штабъ-Капитаны. Подпоручики: **КИМБАРОВЪ** и **МЕНДЕЛЕВЪ**, въ Поручики. Прапорщикъ: **СМИРНОВЪ**, **ШОЛЬБЪ** и **ВЕЙТЕРЪ**, въ Подпоручики. Егерскаго Генералъ-Адъютанта Князя

Воронцова полка: Штабъ-Капитанъ **ЖИЛЕНКОВЪ**, въ Капитаны. Подпоручики: **МИХАЙЛОВСКІЙ** и **ЧЕРНЫШЕВЪ 1-й**, въ Подпоручики. Прапорщикъ: **ФОНЪ-РЕННЕ** и **ШОСТЕ**, въ Подпоручики. Командиръ Кавказскаго Стрѣлковаго баталіона, Маіоръ **ЛУЗАНОВЪ**, въ Подполковники. Кавказскаго Линійнаго баталіона № 7-го: Штабъ-Капитанъ **АПЦУТА**, въ Капитаны. Прапорщикъ **СТЕПАНОВЪ** и **ТВЕРДОВЪ** въ Подпоручики. Назначается. Состоящій по Кавалеріи и при Отдѣльномъ Кавказскомъ Корпусѣ Маіоръ **КАЗБЕКЪ 2-й**, Командующимъ 1-мъ Хоперскимъ Линійнымъ Казачьимъ полкомъ, съ переименованіемъ въ Войсковые Старшины.

— Святѣйшій Правительствующій Синодъ въ вѣдѣніи Правительствующему Сенату сообщилъ о Всемилостивѣйшемъ пожалованіи Геромонаху Гостоговскаго Укрѣпленія Черноморской Береговой Линіи, Пауму, золотого наперснаго креста на Георгіевской лентѣ, за отличное исполненіе

ФЕЛЬТОНЪ.

РАЗСКАЗЪ

Моздокскаго гражданина, 3-й гильдіи купца **Миная Шаева сына Атарова**, о поездкѣ своей въ Дарты-Веденно, мѣстопробываніи **Шамиля** (*).

Въ первыхъ числахъ мая 1848 года, прѣхавъ съ окказіей въ кр. Воздвиженскую, явился я къ полковнику, а нынѣ генералъ-маіору, Меллеръ-Закомельскому, и представилъ на усмотрѣніе его намѣреніе мое отправиться въ Чечню для свиданія съ двоюродною сестрою моею Улухановой, которая въ 1840 году, во время нападенія Чеченцевъ на Моздокъ, была захвачена въ плѣнъ, и въ послѣдствіи попала въ число женъ Шамиля. Подполковникъ Меллеръ-Закомельскій дозволилъ мнѣ войти въ сношенія съ лазутчиками, и черезъ нихъ я открылъ переписку первоначально съ наибами Дуба-Садулою и Далхикомъ, а потомъ, черезъ наиба Дуба, съ самимъ Шамилемъ. Наибы отвѣчали мнѣ, что безъ дозволенія своего Имама, т. е. Шамиля, они не могутъ приблизиться къ кр. Воздвиженской; когда же я обратился письменно къ самому Шамилю, то, черезъ три дня послѣ отправленія письма моего, наибы Дуба

прислалъ ко мнѣ лазутчика, съ объявленіемъ отъ имени Шамиля, что на встрѣчу мнѣ и для препровожденія меня въ резиденцію Имама будутъ высланы отъ него четыре довѣренныхъ лица: самъ наибы Дуба, любимецъ и тайный совѣтникъ Шамиля—Эгіе-Аджи, старшина деревни Даченбарзы, Маза и старшина деревни Уласкарта, Тагиръ.

Когда мнѣ было дано знать, что посланные отъ Шамиля уже находятся въ четырехъ верстахъ отъ кр. Воздвиженской, тогда я простился съ полковникомъ Меллеръ-Закомельскимъ, выслушалъ его предостереженія, одѣлся въ чеченское платье, надѣлъ на себя полное вооруженіе и, взявъ съ собою двухъ добродѣтельныхъ провожатыхъ изъ мирной чеченской деревни Атагы, выѣхалъ съ ними за крѣпость. Одинъ изъ этихъ провожатыхъ былъ кунакъ мой, Чеченецъ Зиза.

Вдоль аргунскаго ущелья стала мы приближаться къ посланнымъ Шамиля и, подѣхавъ къ нимъ на добрый ружейный выстрѣлъ, стали совѣщаться, кому изъ насъ выѣхать впередъ. Мирные Чеченцы не хотѣли ѣхать далѣе, и на убѣжденія мои, чтобы они передали меня съ рукъ на руки своимъ единвѣрцамъ и познакомили меня съ ними, проводники мои отвѣчали, что они етъ кровавой враждѣ съ людьми Шамиля, и потому не хотятъ съ ними имѣть никакого дѣла. На такой отвѣтъ я снова сталъ убѣждать моихъ кунаковъ не оставлять меня, и напомнилъ имъ, что, по мусульманскому ихъ закону, кунакъ долженъ скорѣе умереть, чѣмъ покинуть друга въ опасности. Зиза убѣдился моими увѣщаніями, и рѣшился за мною слѣдовать, а другою проводникъ мой остался на мѣстѣ. Тогда мы съ Зизою стали осторожно приближаться къ посланнымъ Шамиля, и когда подѣхали къ нимъ на какія нибудь 50 сажень, я спросилъ своего спутника, можетъ ли онъ узнать кого-либо изъ нихъ? Зиза отвѣчалъ, что узнаетъ только одного наиба Дуба, отличавшагося отъ прочихъ своею желтою чалмою.

— «Здравствуйте наибы Дуба!» громко закричалъ я

по чеченски, издавѣка пріѣтствуя наиба.— «Здравствуйте гость Божій!»—отвѣчалъ мнѣ наибы, и мы стали повѣтному приближаться другъ къ другу, но соблюдали при томъ крайнюю осторожность, опасаясь засады. Значительно приблизясь къ наибу, я выскакалъ впередъ, протянулъ къ нему руку, и оба мы пріѣтствовали другъ друга по чеченскому обычаю, а потомъ такіа же пріѣтствія повторились между мною и тутъ же бывшимъ Эгіе-Аджи, на головѣ котораго была бѣлая чалма.

Послѣ различныхъ взаимныхъ пріѣтствій и поздравленій, Эгіе-Аджи освѣдомился, самъ-ли я непремѣнно желаю ѣхать къ Шамилю, или хочу только доставить ему черезъ нихъ какое-нибудь извѣстіе? Я отвѣчалъ, что не имѣю ни какого извѣстія для доставленія ихъ начальнику, но желаю самъ, лично, видѣться съ нимъ и его супругой, а моею сестрою, и для того прошу почтенныхъ наибовъ благополучно доставить меня къ Имаму. Наибы отвѣчали мнѣ увѣреніемъ, что они исполнятъ мое желаніе съ удовольствіемъ. Въ это время обратился я къ мирнымъ чеченцамъ, прежнимъ моимъ спутникамъ: они были уже далеко; однако же могли слышать, когда я закричалъ имъ: «Прощайте, воротитесь назадъ и кланяйтесь полковнику Меллеру».

Прѣхавъ съ полверсты въ кругу новыхъ моихъ спутниковъ, за однимъ курганомъ замѣтилъ я человека съ 14 Чеченцевъ: это было прикрытіе наибовъ, къ которому мы скорѣе присоединились, и я долженъ былъ протягивать свою руку каждому всаднику, и со всѣми обмѣниваться пріѣтствіями, при чемъ я говорилъ:— Вы, молодцы, вѣроятно хотите благополучно доставить меня къ вашему начальнику?»

— «Будемъ стараться!» отвѣчали всадники, отбѣхали вѣсколько назадъ, и громкими, олушительными голосами запѣли гимнъ, подъ названіемъ Палагалу.

Такимъ образомъ мы весело продолжали путь въ горы, и скорѣе переправились черезъ одинъ рукавъ р.

(*). Въ проѣздѣ мой черезъ Моздокъ, я имѣлъ случай познакомиться съ Атаровымъ, какъ съ человѣкомъ бывшимъ въ гостяхъ у Шамиля. Я просилъ его изложить на бумагѣ свои воспоминанія; онъ охотно обѣщавъ исполнить мою просьбу, извинился только, что не вполне владѣетъ Русскимъ языкомъ. Черезъ вѣсколько времени онъ прислалъ ко мнѣ помѣщаемую здѣсь статью, въ которой исправлены только грамматическія ошибки, и немного сглаженъ слогъ стараніемъ г. Вердеревскаго. Сущность же разказа и самая выраженія для большей вѣрности сохранены въ томъ видѣ и порядкѣ, какъ въ подлинникѣ. Гр. Соллогубъ.

обязанности своего сана при нападении, 26-го Июля сего года, на означенное укрѣпленіе многочисленной партіи Горцевъ. (С. В.)

ТИФЛИСЬ, 14-го Ноября.

Въ послѣднемъ № Зак. В. г. В. Крыжановскій напечаталъ извѣстіе объ устройствѣ въ минувшемъ году, на границѣ Телавскаго уезда, на мѣстѣ большаго селенія раззореннаго Шахъ-Аббасомъ, новаго поселенія, коему оставлено прежнее названіе *Старые-Гагазы*; населено оно переселенцами изъ разныхъ деревень Телавскаго уезда; число ихъ простирается уже до 180 домовъ. Все поселеніе обнесено редутомъ изъ частоколовъ; вокругъ редута устроены вышки для наблюденія за Горцами. Древняя каменная церковь Божіей Матери возобновлена, по распоряженію Его Святлости Князя Намѣстника.

Мѣстность новаго поселенія замѣчательна и въ стратегическомъ отношеніи. Запирая собою самую крайнюю черту у подножія Кавказскихъ горъ, селеніе можетъ способствовать спокойствію Кахетин, преграждая горцамъ проходъ въ наши деревни; въ промышленномъ отношеніи будущность поселенія предвѣщаетъ вѣрныя надежды; оно по мѣстности должно имѣть удобное и прямое сообщеніе и торговые обороты съ Тифлисомъ, Сигнахомъ, Телавомъ, Округомъ Джаро-блѣканскимъ и г. Нухою.

11-го числа октября, въ воскресенье, по желанію всехъ поселенцевъ и съ предварительнаго разрѣшенія г. Тифлискаго Губернатора, открытъ въ поселеніи базаръ, въ которомъ приняты участіе солдаты, Лезгинскіе поселенцы обществъ Капучинскаго и Анцухскаго и жители ближайшихъ селеній. Народу собралось около 400 человекъ и, не смотря на неблагоприятствовавшую погоду, продано на 384 р. сер.

Выгодное положеніе селенія должно привлечь многихъ жителей Кахетин къ заселенію остающейся еще на за-Алазанской половѣ плодороднѣйшей части до рубежа Джаро-блѣканскаго Округа, чтобы тѣмъ осуществить благотворное для Кахетин намѣреніе Князя Намѣстника.

ИЗВѢСТІЯ ИЗЪ ТУРЦІИ.

Третьяго дня получено въ Вѣнѣ изъ Константинополя извѣстіе, по видимому достоверное, отъ 21-го ч., что Порта, по настоянію лорда *Редклифа*, послала приказаніе *Омеру-пашѣ* приостановиться на время съ началомъ военныхъ дѣйствій, съ цѣлью возобновленія переговоровъ о мирѣ. Между тѣмъ 31 октября распространились слухи, что Турки, укрѣпившись на острову между Виддиномъ и Калафатомъ, перешли въ Калафатъ, по сю сторону Дуная, и заняли это мѣстечко: эти слухи или преждевременны, или во всякомъ случаѣ преувеличены, и показанія о числѣ перешедшихъ войскъ весьма разнорѣчивы; вовсе неправдоподобно, чтобы самъ *Омерь-паша*, какъ говорятъ, перешелъ съ 18,000-ми человекъ и что за нимъ послѣдовали еще 32,000 чел.; это бы значило рисковать въ самомъ началѣ потерю значительной части войскъ. О столкновеніи съ Русскими войсками въ Калафатѣ не говорятъ, потому что тамъ и не было Русскихъ войскъ, и что ближайшій Русскій отрядъ стоитъ противъ Ореавы. Прибавляютъ, что рукавъ Дуная, между занятымъ Турками островомъ и Калафатомъ, нѣсколько дней тому можно было переходить почти по суху, позже наполнился водою и теперь сажень въ десять ширины. Если слухи о занятіи Калафата и справедливы, то во всякомъ случаѣ слѣдуетъ предположить, что это произошло прежде полученія *Омерь-пашею* упомянутого вы-

ше приказанія о приостановленіи неприязненныхъ дѣйствій. По поводу всехъ этихъ извѣстій, Дунайское общество пароходства объявило, что пароходы его будутъ впередъ ходить по Дунаю только до Ореавы, т. е. до угла Австрійскихъ владѣній по этой рѣкѣ.

(Од. В.)

— Изъ Черногоріи пишутъ, что князь *Данилъ* съ величайшимъ трудомъ можетъ поддержать своихъ воинственныхъ подданныхъ отъ возобновленія неприязненныхъ дѣйствій противъ Турціи, по поводу объявленія Портою войны Россіи.

(Од. В.)

— Съ береговъ нижняго Дуная пишутъ, въ здѣшней Медицинской газетѣ, что дельта между Балканомъ и устьями Дуная, особенно выше Кюстенджки и Черновоты, служитъ постояннымъ гнѣздилищемъ перемежающихся лихорадокъ, и что Турецкіе отряды войскъ, стоящіе въ этой дельтѣ, какъ ближе къ Дунаю, въ Рассовѣ, Балтаджи и Гиревѣ, такъ и внутри Бабадага, сильно страдаютъ отъ этихъ болѣзней, тѣмъ болѣе, что тамъ вовсе нѣтъ сколько нибудь порядочно устроенныхъ госпиталей. Распространеніе перемежающихся лихорадокъ въ этихъ войскахъ породило, вѣроятно, и слухъ о появленіи между ними чумы: слухъ этотъ не имѣетъ ни малѣйшаго основанія, и въ настоящее время на всемъ пространствѣ Турецкой имперіи нигдѣ нѣтъ и признака этой заразы.

(Од. В.)

— Изъ Константинополя сообщаютъ отъ 17-го ч. извѣстіе, что оттуда отправляется въ Лондонъ *Намикъ-паша*, для заключенія 10-и—процентнаго займа, по однимъ слухамъ въ 2½ милл. ф. ст. (15 милл. рубл. с.), а по другимъ въ 4 милл. ф. ст. (24 милл. рубл. с.). По этому поводу, въ Англійскихъ газетахъ совѣтуютъ Англійскимъ капиталистамъ увѣриться во верность, въ томъ, — само-ли Турецкое правительство или компанія Армянскихъ банкировъ заключаетъ этотъ заемъ, а во вторыхъ припомнить,

Аргуна, раздѣляющагося здѣсь на три рукава. На пути намъ часто попадались хутора неприязненныхъ Чеченцевъ, называемые здѣсь—кутаны. Дорога намъ лежала дурная, мѣстами очень трудная, такъ, что мы по большей части должны были идти пѣшкомъ, безпрестанно поднимаясь съ горы на гору, или пробираясь дремучимъ лѣсомъ. Въ лѣсу попадались намъ дикіе кабаны, которые здѣсь живутъ стадами и питаются корою чинарноваго дерева. Вообще здѣсь чинары растутъ въ изобиліи и достигаютъ огромнѣйшей величины. Затруднительнѣе же всего былъ для насъ переходъ черезъ Шбутъ-гору, — всѣ мы должны были спѣшиться; я едва тащился выбравшись на гору, а лошади мою вели конвойные Чеченцы. Я догадывался, и это оправдалось въ послѣдствіи, что меня не безъ намѣренія вели этой трудной дорогой: меня подозрѣвали въ желаніи развѣдать мѣста и пути. Только на седьмой день добрались мы до деревни Даче-барза, гдѣ живетъ наибъ Дуба, и остановились на ночлегъ въ домѣ наба. Во дворѣ квартиры замѣтилъ я одно орудіе, охраняемое часовымъ изъ азіатовъ.

Вскорѣ послѣ прибытія нашего на ночлегъ, всѣ жители деревни сбѣжались во дворъ наба, и между тѣмъ какъ я, Эгіе-Аджи и отецъ Дубы, Чука, садѣли и пили русскій чай въ верхнемъ этажѣ дома, на отбойной галлерей, называемой здѣсь «сардагъ», мы были свидѣтелями забавной расправы «куеровъ» наба съ толпами любопытныхъ туземцевъ, наполнявшихъ собою дворъ: онѣ вооружились палками, и побоями выгоняли народъ, приговаривая: «Что вы? Куда вы? Или русскихъ не видавали?»..

Вечеръ провели мы пріятно, въ разговорахъ. Меня хорошо накормили и уложили спать. Но утру мы снова отправились въ путь, проходили по неприступнымъ горамъ, и переправлялись черезъ другой рукавъ Аргуна, вблизи деревни Уласкартъ, гдѣ живетъ Тагиръ. Тутъ мы не останавливались, но миновавъ опять какую-то гору, пріѣхали въ деревню Мхта-Юртъ, потому

въ деревню Тхикъ-Юртъ, за Тхикъ-Юртомъ опять встрѣтились намъ страшныя горы, лѣса, скалы и каменные утесы, и должно было перебраться чрезъ всѣ эти препятствія, чтобы наконецъ приблизиться къ огромной долинѣ, посреди которой лежитъ большая деревня Веденне, а вправо, верстахъ въ четырехъ на востокъ отъ деревни, виднѣется небольшая квадратная лощина, имѣющая, прамѣрно, верстъ семь въ окружности и огражденная справа высокими, лѣсистыми горами, а слѣва страшнымъ «врагомъ», на днѣ котораго течетъ рѣка Хлхло. Посреди лощины видна ровная площадка, на которой возвышается замокъ, окруженный разными строеніями. Эта-то неприступная мѣстность, называемая—Даргы-Веденно, и есть мѣсто-прѣбываніе Шамиля.

Въ замкѣ существуютъ только одни ворота, а противъ воротъ, внутри укрѣпленія, выстроена башня, съ однимъ орудіемъ для защиты входа.

Замокъ Шамиля обведенъ, въ два ряда, большими, стоймя вколоченными въ землю брусьями, между которыми засыпанъ каменный хрящъ. Немного вправо отъ укрѣпленія лежитъ особая деревня для мюридовъ. Также неподалеку отъ крѣпости стоитъ пороховой паркъ, оберегаемый часовыми. Передъ укрѣпленіемъ лежитъ небольшая аулъ, въ которомъ по преимуществу живутъ мастеровые. Между ними есть даже и часовая мастеръ. Изъ горъ проведенъ въ средину укрѣпленія родникъ, окруженный здѣсь большимъ землянымъ водоемомъ, называемомъ купальней, потому что дѣйствительно въ немъ купаются люди и лошади. Изъ водоема вода стекаетъ въ крутой оврагъ, къ рѣкѣ Хлхло. Тутъ-же, неподалеку, помѣщается запасный провіантскій магазинъ, съ запасами кукурузы, пшеничаго и просянаго хлѣба; все это хранится въ большихъ долбленыхъ бочкахъ.

Въ Даргы-Веденно пріѣхалъ я на седьмой день, прамѣрно, около вечера, и былъ помѣщенъ въ домѣ Эгіе-Аджи. Въ первый день Шамиль не принялъ ме-

ня къ себѣ, потому что не были еще собраны кой-какія справки о причинахъ моего пріѣзда, и Шамиль подозрѣвалъ, не пріѣхалъ-ли я по какому-нибудь тайному порученію отъ мирныхъ ауловъ. Справки собирались три дня, и въ эти дни я ежеминутно находился между жизнью и смертью, потому что, въ случаѣ неблагоприятныхъ обо мнѣ слуховъ, казнь моя была-бы неизбежна. Впрочемъ кормили и содержали меня хорошо; я же, хотя и тревожился опасеніями, но показывалъ совершенное хладнокровіе. На третій день я былъ приглашенъ на вечерній обѣдъ къ Шамилю, въ его кунакскій домъ, гдѣ обыкновенно обѣдаютъ приближенные Имама. Домъ этотъ находится въ самой срединѣ крѣпости. Здѣсь приняли меня ласково, по мусульманскому обычаю. Въ концѣ обѣда подавали плавь, и тутъ, къ изумленію моему, замѣтилъ я, что, поѣвши плава, всѣ гости, а ихъ было человекъ до двадцати, встревожились, угрюмо-нахмурились и стали неодобрительно на меня посматривать; я же, въ изумленіи и страхѣ, подумалъ про себя: неужели за тѣмъ такъ хорошо и кормили меня, чтобы, накормивши, снять съ меня голову?... Однакоже, и при такихъ мысляхъ, наружное хладнокровіе не измѣнило мнѣ; я молчалъ, наблюдалъ за моими собесѣдниками и успокоивалъ себя мыслію, что, можетъ быть, такое ужъ у нихъ обыкновеніе, чтобы послѣ плава хмуриться и говорить другъ другу на ухо. Пробовалъ я обращаться съ вопросами къ моимъ сосѣдямъ, но мнѣ никто ничего не отвѣчалъ.

Послѣ плава подали азу изъ кукурузной муки, приготовленную очень вкусно, въ видѣ маленькихъ приниковъ. Кушанье это подавалось послѣ всего, въ родѣ десерта. Я взялъ себѣ небольшой кусочекъ, и между тѣмъ, какъ собесѣдники мои все еще продолжали сидѣть въ какомъ-то уныніи, — мнѣ во второй разъ поднесли азу; когда-же я отказался и объяснилъ, что я сытъ, тогда угощавшій меня сказалъ: «кушайте, это приготовила для васъ сестра ваша». «А! ежель такъ»,

 1884-1885
 308-110133

мужескаго, за исключеніемъ бѣлаго цвѣту, присвоеннаго женскому полу; мужчины же никогда не употребляютъ краснаго цвѣту на шапки и бѣлаго на платье. Женщины носятъ на головѣ повязки, а знатныя имѣютъ шапки красныя и суконныя и ходятъ въ такихъ же чиріахъ, какъ у мужчинъ. Простаго сословія женщины носятъ шапки всѣхъ цвѣтовъ, только не красныя, вмѣсто башмаковъ носятъ деревянныя сандалии, а большая часть ходитъ босикомъ. Когда выходятъ со двора, надѣваютъ на голову длинную фату или покрывало, которымъ закрываютъ себѣ лицо; дѣвцы обыкновенно ходятъ въ длинной рубашкѣ, перевязанной поясомъ, и въ широкихъ шальварахъ; волосы заплетаютъ въ одну длинную косу, лежащую на спинѣ. Нарядное ихъ платье состоитъ въ шелковомъ или бумажномъ полукафтанѣ и сверхъ него въ длинномъ суконномъ кафтанѣ. Первая одежда легче и красивѣе, потому что самая простота ей способствуетъ къ обнаруживанію тѣлесныхъ формъ и не закрываетъ стройнаго стана, которымъ дѣвцы щеголяютъ. У Сванетцевъ общее понятіе о красотѣ состоитъ въ томъ, чтобы имѣть широкія плеча, полную грудь и тонкій станъ; а для сбереженія стройности стана дѣвчужекъ высшаго сословія, на десятомъ году возраста, иногда и раньше, обтягиваютъ ихъ отъ бедръ до груди сырою кожей и зашиваютъ ее плотно къ тѣлу. Въ такомъ положеніи дѣвица остается до брачной ночи, въ которую женихъ разрѣзываетъ шнуровку эту кинжаломъ. По выходѣ замужъ, женщина состоитъ въ полной власти мужа. Сосватавъ жену, плотятъ за нее договорную цѣну, выкупъ лошадами или рогатымъ скотомъ. Приданое назначается по произволу отца невѣсты и отдается жениху въ день свадьбы. Когда молодая жена родитъ, отецъ вручаетъ ей повязку и покрывало, отличительный нарядъ замужней женщины. Мужъ есть повели-

тель и судья своей жены, а жена первая работница въ домѣ. Жизнь и смерть ея въ рукахъ мужа, особенно за невѣрность, или по одному въ томъ вѣрномъ подозрѣніи—смерть неизбежна. До водворенія вообще въ здѣшнемъ краѣ благодѣтельнаго Русскаго управленія за смертоубійство жены мужъ не подвергался ответственности, кромѣ нареканія отъ женскихъ родственниковъ. Строгость этого обычая возымѣла сильное дѣйствіе надъ правами и цѣломудріе въ обихъ полахъ Сванетовъ—добродѣтель весьма обыкновенная. Спрашивать кого о здоровьи жены или дочери, считается за неприличіе и даже за обиду; однимъ ближайшимъ родственникамъ позволено спрашивать о здоровьи, но и то не при постороннихъ людяхъ. Не одною красотой и вѣрностію похвалиться могутъ Сванетки: имъ предоставляется важное въ гражданскомъ быту преимущество, которое имѣетъ начало въ нравственности народной, т. е. особенное уваженіе, можно сказать благоговѣніе, какое оказываютъ Сванетки къ заступничеству и посредничеству женскаго пола. Женщина безъ покрывала и съ распущенными волосами бросается въ середину толпы сражающихся, и тотчасъ останавливаетъ кровопролитіе, тѣмъ рѣшительнѣе и скорѣе, если она пожилыхъ лѣтъ и знатнаго рода. Довольно и того, если преслѣдуемый отъ непріятеля скроется въ женское отдѣленіе, или даже коснется рукою до женщины, то остается невредимъ; словомъ всякое мщеніе, наказаніе, а тѣмъ менѣе убійство не можетъ быть произведено въ присутствіи женщинъ и отлагается до другаго случая. Что же касается до гостепримства, то Сванетки охотно принимаютъ проземецъвъ и угощаютъ добродушно всякаго проезжаго, а тѣмъ болѣе знакомыхъ людей. Вошедшій въ домъ вступаетъ во все права гостя, т. е. подлѣ особенную защиту хозяина, пока со двора не съѣдетъ; причѣмъ подразумевается

обязанность накормить гостя, успокоить и проводить его на безопасную дорогу и къ ближайшему сосѣду благополучно. Пріѣздъ гостя есть пріятное происшествіе для всѣхъ домашнихъ, доставляющее великому свои заботы, которыя отправляются съ отменною услужливостію. Нерѣдко знакомство, которое началось гостепримствомъ, превращается въ дружбу; гость и хозяинъ остаются кунаками. Но тотъ же самый гость, если бы нечаянно гдѣ повстрѣчался съ хозяиномъ, легко можетъ быть имъ ограбленъ.

Въ немногихъ словахъ, продолжая мой путчикъ, я вамъ разсказалъ о семейственномъ быту Сванетцевъ, теперь объясню о состояніи у нихъ сельскаго хозяйства и торговли, о ремеслахъ и народныхъ забавахъ и мѣстныхъ болѣзняхъ. Сельское хозяйство раздѣляется у Сванетцевъ на три главнѣйшія отрасли: земледѣліе, конскіе заводы и скотоводство. Сванетки пахутъ землю плугомъ, въ который впрягаютъ нѣсколько паръ быковъ. Больше всякаго хлѣба сѣютъ просо, потомъ кукурузу, яровую пшеницу, полбу и ячмень. Жнутъ хлѣбъ обыкновенными серпами, а молотятъ баллами, т. е. тончутъ и перетираютъ колосы посредствомъ лошадей или быковъ, припряженныхъ къ доскѣ, на которую наваливаютъ тяжесть, точно такъ, какъ въ Грузіи. Сванетки держатъ стада рогатаго скота и овецъ и небольшое число козъ. По числу лошадей и скота измѣряется у нихъ богатство частныхъ людей. Масло, получаемое отъ коровъ и шерсть отъ овецъ, только частію поступаетъ въ продажу за собственнымъ продовольствіемъ и за употребленіемъ шерсти на домашнія сукна. Овцы Сванетскія имѣютъ шерсть отличной доброты, противъ степныхъ овецъ. Рогатый скотъ не крупенъ, но болѣе и крѣпче употребляется въ упряжь въ арбы и въ телеги. Сванетки пасутъ свой скотъ въ горахъ, а зимою перегоняютъ его

отворилась дверь изъ сѣней, сестра моя быстро закрыла лице,—и въ комнату вошелъ Шамиль.

Я вскочилъ съ своего мѣста; Эгіе-Аджи почтительно приложился къ рукѣ имама; когда же я хотѣлъ послѣдовать примѣру Эгіе-Аджи,—Шамиль не допустилъ меня до этого, сѣлъ на тахту, пригласилъ и меня сѣсть, и принялся разспрашивать о здоровьи всѣхъ нашихъ.

Шамиль видный мужчина, съ важной осанкой, съ свѣтлорусыми волосами и большими глазами; на лицѣ его видны веснушки, а борода его выкрашена хиною. Одежда его состояла изъ темнаго атласнаго бешмета и изъ красной суконной мантии, на подобіе тѣхъ мантий, какія носятъ и прочія лица высшаго магометанскаго духовенства. На головѣ его была красная феска съ большою кистью, свѣсившеюся на бокъ. Прежде этого, когда Шамиль отправлялся въ мечеть, я видѣлъ на головѣ его большую чалму.

Усадивши меня, какъ гостя, на тахту, Шамиль въ отборныхъ выраженіяхъ спрашивалъ меня благополучно-ли я пріѣхалъ, понравилась-ли мнѣ дорога черезъ ихъ горы, отъ кого именно получилъ я позволеніе на путешествіе, и съ какою собственною цѣлію пріѣхалъ къ намъ. Я отвѣчалъ, что горы очень хороши, а дороги такъ худы, что еслибы я зналъ о нихъ прежде, то не предпринялъ бы и путешествія; что дозволеніе на путешествіе получилъ я отъ нашего правительства, и, наконецъ, что единственною цѣлью моего путешествія было увидѣть сестру мою, и узнать о ея здоровьи. Шамиль вторично осведомился, отъ кого именно получилъ я дозволеніе ѣхать въ Чечню.

— Я былъ столько счастливъ, отвѣчалъ я, что по письму моему вы сами изволили разрѣшить мнѣ пріѣхать къ вамъ.

Шамиль замѣтилъ на это:

— «Я многімя далъ бы подобное разрѣшеніе, но только не знаю—кто осмѣлится на такое путешествіе!»

— «Да будетъ съ вами Богъ!» отвѣчалъ я: «пріѣздъ мой къ вамъ зависѣлъ отъ меня, а отъѣздъ будетъ зависѣть отъ вашей воли и милости!»

Выслушавъ эти слова, Шамиль улыбнулся и сказалъ:—«Да это такъ, но однакожь не думаю, чтобы кто нибудь другой имѣлъ смѣлость рѣшиться на такой поступокъ.»

За тѣмъ Шамиль сталъ спрашивать о французсахъ, о Венгріи, о нашемъ войскѣ. Я отвѣчалъ, что зналъ, кратко и ясно; потомъ осмѣлился я просить имама принять отъ меня подарокъ, по обычаю нашему. «Почему же не такъ!» отвѣчалъ Шамиль, а я вынулъ изъ запазухи золотыя дамскіе часы, поднесъ ихъ сестрѣ моей, а потомъ подаль золотой хронометръ съ цѣпочкою самому Шамилю. Но Шамиль не взялъ въ руки моего подарка, а сестра моя приказала мнѣ положить хронометръ на тахту, что я и исполнилъ, сказавъ при томъ, что чѣмъ богаче,—тѣмъ и радъ. «Вѣрно и у васъ есть обыкновеніе дарить и принимать подарки?» спросилъ Шамиль. Я отвѣчалъ утвердительно. Послѣ того Шамиль еще съ полчаса разговаривалъ со мною на Кумыкскомъ языкѣ, а потомъ всталъ и вышелъ изъ комнаты. Сестра моя опять открыла лице свое. Около вечера меня угощали чаемъ, дулями, яблоками, виноградомъ. Я удивился, видя свѣжій виноградъ въ маѣ мѣсяцѣ; но сестра моя объяснила мнѣ, что здѣсь прошлагодній виноградъ умѣютъ сохранять до новаго.

Просидѣвъ у сестры моей до вечера, мы простались съ нею, и я вышелъ въ сопровожденіи Эгіе-Аджи, который строго заповѣдалъ мнѣ: никому не говорить о свиданіи моемъ съ имамомъ, и прибавилъ: «Если кто спроситъ, скажи, что видѣлъ только одну сестру свою, а когда уѣдешь отсюда, тогда что хочешь разскажывай.—Отчего такъ?» спросилъ я. Или ты думаешь что ваши вадомной будутъ смѣяться?»

— «Не только не будутъ смѣяться, но еще и убьютъ

тебя, если ты хоть намекнешь кому нибудь о свиданіи съ Шамилемъ!»

Я просилъ Эгіе-Аджи объяснить мнѣ смыслъ такого предостереженія. Онъ отвѣчалъ:

— «Ты два раза обѣдалъ съ набами; отчего же оба раза за общимъ столомъ не видѣлъ ты Шамиля? Отъ того, что по законамъ нашего духовенства, нельзя имаму сидѣть за однимъ столомъ съ гауромъ. Теперь понимай какъ знаешь, но если хочешь остаться цѣлъ, то, до времени, держи языкъ свой на привязи.»

На другой день, 13 мая, просилъ я разрѣшенія на отъѣздъ, и желалъ проститься съ бестрою. Вмѣсто отвѣта на мое желаніе получилъ я въ подарокъ отъ Шамиля коня, стоимщаго рублей полтора; а секретарь имама мнѣ объявилъ, что выѣздъ изъ крѣпости мнѣ разрѣшенъ, что я буду имѣть 13 человекъ провожатыхъ, и что набу Дуба отданъ приказъ доставить меня до окрестностей крѣпости Воздвиженской.

По утру, 14 мая, выѣхали мы изъ Даргы-Веденно. Я просилъ набу Дуба избрать другую, болѣе удобную дорогу, на что онъ согласился, и мы отправились отъ большой Веденне вправо, внизъ по теченію р. Халло, до самой Шалинской долины, а оттуда поднялись ввѣрхъ по р. Аргуну, выше крѣпости Воздвиженской, и переправившись черезъ р. Аргунъ, пріѣхали въ то самое мѣсто, гдѣ я въ первый разъ встрѣтился съ набомъ Дуба, Эгіе-Аджи и ихъ спутниками, то есть за 4 версты отъ кр. Воздвиженской. Весь мой обратный путь состоялъ изъ какихъ нибудь 50 верстъ, такъ-что, выѣхавъ поутру изъ Даргы-Веденно, я прибылъ въ кр. Воздвиженскую въ тотъ же день, около вечера.

(Изъ этого № «Кавказа» слѣд. приб.)